

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Е.В. Косилова

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ О СОЗНАНИИ

В статье содержится краткий обзор концепций сознания в философии и психологии. Чтобы уточнить значение понятия «сознание», нужно разделить субъектную и бессубъектную составляющую психики. Психология, которая занимается субъектной составляющей – понимающая или гуманитарная психология; бессубъектной – объясняющая или естественно-научная. Концепции сознания подразделяются на дуалистические и материалистические по критерию совпадения законов тела и сознания. Выделены две главные исторические парадигмы в философии сознания – картезианская и трансцендентальная, и семь подходов современной науки: бихевиоризм и логический бихевиоризм, психофизиология и теория тождества, деятельностный подход, психиатрия и философия безумия, психоанализ, экзистенциализм и экзистенциальный анализ, когнитивная психология и аналитическая философия сознания. Показано, что каждой из больших психологических школ соответствует какое-либо философское учение о сознании. По мнению автора, психология как эмпирическая наука принципиально не может изучать главную способность сознания – к трансценденции.

Ключевые слова: сознание, понимающая психология, объяснительная психология, деятельностный подход, психофизиология, дуализм, материализм, картезианская парадигма, трансцендентальная парадигма, трансценденция, теория тождества, философия безумия, психоанализ, экзистенциальный анализ, когнитивная психология, аналитическая философия сознания.

1. Вступление

1.1. Основные направления в философии сознания

Философия строила теории сознания с самого начала своего существования, хотя само понятие сознания до сих пор еще не получило никакого четкого и однозначного определения. Оно вычленяется из целой группы родственных ему понятий: душа, субъект, Я и других. В философии сознания – как в ранних учениях о душе или о природе человека, так и в настоящее время, в современной философии сознания, – было два главных направления. Проблема, на протяжении

всего времени, ставится следующим образом: является ли душа чем-то коренным образом отличным от тела, или душа является производным от тела и совпадает с ним. С этим связан практический вопрос о бессмертии души. Если душа является чем-то коренным образом отличным от тела, то мы можем ожидать, что она способна существовать отдельно от него. Если же душа зависима от тела или совпадает с ним, то она смертна.

Первое направление впоследствии получило название дуализма души и тела. Это учение о том, что у души и у тела разная природа, они обладают набором разных, даже противоположных свойств

и управляются различным набором законов. Второе направление — материализм, который постулирует общность души и тела (Прист, 2000). В философском смысле слова это противопоставление, дуализм—материализм, некорректно. Более корректно говорить о противопоставлении дуализма (который постулирует, что имеются две различные субстанции) и монизма (который учит, что субстанция одна), а затем монизм подразделять на материализм и идеализм. Материализм учит, что единственной субстанцией является материя, а идеализм — что дух (сознание, идея и т.п.). В философских учениях мы видим именно три варианта: дуализм (например, Р. Декарт), материализм (например, К. Маркс) и идеализм (например, Г. Гегель). Но в данном обзоре я хотела бы ограничиться теми учениями о сознании и душе, которые либо оказали влияние на психологические теории, либо непосредственно совпадают с ними. По этой причине я не рассматриваю идеалистические доктрины, так как они, насколько мне известно, не оказали влияния на психологическую науку. Что касается дуализмов и особенно материализмов, их очень много. Материализм — это не учение, а группа подобных друг другу учений, это систематизирующее понятие.

Для всех дуалистических учений характерно то, что они подходят к душе или, говоря современным языком, к сознанию, как к чему-то особому, что нельзя описывать в физических терминах, изучать физическими методами. Что это будет означать с точки зрения психологии? Прежде всего, мы должны ожидать разницы в трактовке вопроса о каузальности (причинности) и свободе (Прист, 2000). Материалистическая линия, как мы можем ожидать, будет постулировать, что душа имеет ту же природу, что и тело, и, соответственно, подвержена телесной каузальности, поскольку каузальность является одной из основных характеристик

физического мира. Что касается дуализма, мы ожидаем, что в рамках этой группы учений сознание будет рассматриваться как свободное, каузально не детерминированное. Сознание может иметь собственные законы, отличные от законов материи, и, что наиболее важно, оно может в некоторой степени передавать материи свои законы: человек, который представляет собой общность тела и сознания, может вести себя согласно не только законам тела, но и законам сознания. Сознание каузально действует на тело, делая его фактически свободным от физической причинности. Свободным может быть поведение человека или свободным может быть его познание, его мысли. Поэтому, если мы видим, что некая психологическая школа изучает законы мышления как нечто принципиально отличное от законов тела (мозга), то мы можем говорить о том, что в ее основе лежит дуалистическое понимание человека. И наоборот, если мы видим, что какая-то психологическая школа изучает, например, сознание как продукт работы мозга или выявляет каузальные связи в работе сознания — то у нее, скорее всего, будет материалистическое философское основание.

Что касается современной философии, то провести строгую классификацию существующих сегодня концепций сознания невозможно, поскольку эти концепции очень сложны и многообразны. Я не вижу никакого основания деления, по которому их можно было бы упорядочить. Например, автор известного обзора С. Прист, который проанализировал только англо-американскую аналитическую философию сознания, выделяет: дуализм, логический бихевиоризм, идеализм, материализм, функционализм, двухаспектную теорию и феноменологический подход (Прист, 2000). В основание он старается положить четкий критерий; в качестве такого критерия он полагает возможность каузального действия сознания на тело.

Но совершенно ясно, что то, что у него получается — не строгая классификация. Если же добавить сюда еще несколько континентальных школ и подходов (диалектико-материалистический, деятельностный, экзистенциальный), то картина окажется еще более запутанной.

Более или менее приемлемая классификация концепций сознания, релевантных с точки зрения психологической науки, может выглядеть следующим образом (концепции расположены, начиная с определенно материалистических и заканчивая явно дуалистическими):

— Собственно материалистические концепции (иногда такой материализм называют «медицинским»). К ним относится теория тождества, согласно которой каждое состояние сознания полностью тождественно состоянию мозга, элиминативный материализм и др. Некоторые из этих теорий даже на уровне языка пытаются заменить все термины сознания терминами состояния мозга («боль» → «возбуждение С-волокон»).

— «Снимающие» сознание. К ним можно отнести такие учения аналитической философии сознания, как логический бихевиоризм и функционализм. Первое рассматривает сознание как поведение, второе — как состояние организма, реализующееся в поведении. Кроме того, сюда относятся учения континентальной европейской философии сознания: диалектико-материалистический (марксистский, социальный) и деятельностный подходы. Эта группа концепций примыкает к материалистическим, но не является медицинским материализмом.

— Когнитивистские. К «снимающим» примыкают теории современной когнитивной науки, для которых характерно отождествление сознания с мышлением или с переработкой информации.

— Научно-дуалистические. Большинство современных философов предпочитает говорить о «дуализме свойств»,

а не дуализме субстанций, как это было у Декарта. Однако имеются также учения об онтологическом дуализме сознания и мозга (такова теория Поппера—Экклза (Eccles, Popper 1997; Поппер, 2008)). Сюда же относится когнитивная теория Р. Пенроуза (Пенроуз, 2003), из которой следует, что познание с необходимостью свободно (неалгоритмизуемо).

— Явным образом дуалистические. Многие из них можно назвать антисциентистскими. Сюда относятся, прежде всего, экзистенциализм, трансперсональные и религиозные теории сознания (Бинсвангер, 1999; Гроф, 2001; Лэнг, 1995; Хайдеггер, 1997; Хант, 2004).

1.2. Проблема сознания в психологии. Два типа психологии в отношении сознания

Психология — это наука, которая изучает некую «психическую» составляющую человека (круг в определении связан с тем, что это базовые вещи). Эта психическая составляющая оказывается очень сложной и расщепленной по крайней мере надвое.

С одной стороны, от человека невозможно отнять некое начало субъектности, которое постулирует свободу человека, его самоопределение, спонтанность, ответственность. Человек сам решает, как ему действовать. Познает человек также свободным образом, то есть он не подвержен каузальности ни на уровне действия, ни на уровне познания. Можно попытаться опровергнуть наличие свободы на уровне действия, но на уровне познания свобода, или, вернее говоря, спонтанность практически доказана, например, в работах Р. Пенроуза (Пенроуз, 2003). А раз есть свобода, или спонтанность, значит, должны присутствовать рефлексия и самопознание. Итак, субъектность из человека выкинуть нельзя.

А с другой стороны, безусловно, существует некая «машина», познавательный механизм, который имеет биологическое,

эволюционное происхождение. Благодаря ей познание происходит как бы само собой. Мы не управляем, например, распознаванием образов. Это огромная машина; современная психофизиология довольно много говорит о том, как она устроена (Величковский, 2006). Другими словами, мы чем-то в себе управляем, а чем-то не управляем. То, чем мы не управляем — не является нашей субъектностью. Оно является для нее неким природным фоном. Но и то, и другое составляет наше психическое содержание. А ведь это две вещи совершенно разные.

Таким образом, мы можем говорить о расщеплении психики на два онтологических региона. Если раньше говорили о расщепленности на тело и душу, то теперь пропасть проходит внутри самой души, внутри области психического. Тело — это машина, которая действует самостоятельно. Но под телом теперь понимается и все то множество психических функций, которые осуществляются автоматически, самостоятельно. Душа остается небольшим звеном в человеке, но это звено организовано принципиально по-другому. У него есть некая загадочная субъектность, то есть способность самостоятельно, осознанно и свободно принимать решения.

Естественно ожидать, что и наука, которая занимается психикой, будет вынуждена сталкиваться с этим расщепленным предметом. И, конечно, какие-то школы будут изучать одно, а какие-то — другое, и сама наука, как следует ожидать, окажется расщеплена. И именно это мы наблюдаем в сегодняшней психологии.

Дилемма *объяснение / понимание* имеет долгую историю. Предложил ее В. Дильтей, разбирая отличие естественных и гуманитарных наук («наук о природе» и «наук о духе») (Дильтей, 2000; Ясперс, 1997). Что такое естественные науки? Это науки, которые работают с природой, а природа, как было показано еще Д. Юмом и И. Кантом, нам не дана,

причинность в ней мы знать не можем. Но можем наблюдать некие регулярно-сти, которые делаются нашими гипотезами, а потом, когда это можно считать установленным, мы это называем законом. Обычно он имеет математическую форму, в виде зависимости одной какой-то величины от другой величины. Причину, по которой этот закон именно такой, а не какой-то другой, мы не знаем. Даже хорошо установленный закон все равно остается гипотезой. Потом это много раз повторял К. Поппер (Поппер, 2002). В. Дильтей это называет объяснением.

Гуманитарная наука, например история, устроена совершенно по-другому. Дильтей говорит, что в работе историка задействуется совершенно другая способность. К природе мы относимся как к чему-то внешнему, мы не можем понять дух второго закона Ньютона, или, допустим, дух солнечной системы, которая подчиняется этому закону. Этот гипотетический закон для нас остается внешним. А к культуре мы не относимся как к внешнему. Мы можем понять дух, или, говоря феноменологически, способ полагания смыслов в этой культуре. Дух эпохи — это закон, по которому порождаются смыслы. Этот закон, конечно, не носит математического характера, но мы можем его понять. Способность понимания — это способность мыслить осмысленно (Дильтей, 1996, 2000).

И вот, проведя различие между объяснением и пониманием и между естественными и гуманитарными науками, Дильтей вводит понятие двух психологий: «объяснительная» и «понимающая» («описательная») психология. Естественно-научная психология работает с природной частью психики, устанавливает законы, эти законы имеют математическую форму, как в физике. Пример естественно-научной психологии: закон Вебера—Фехнера, который был установлен как раз тогда. Он имеет именно математическую

форму (интенсивность ощущения пропорциональна логарифму интенсивности стимула).

Но большая часть психологии не может действовать методами естественных наук. И это именно такая психология, которая изучает субъектную, свободную сторону человеческой личности. Хотя в современной психологии доля естественно-научных школ по сравнению с эпохой Дильтея возросла, имеется достаточно школ, которые полагают себя в оппозиции к такому подходу, и у этих школ имеется достаточно много интересных исследований, чтобы их не игнорировать. Это гуманитарная, понимающая психология.

Как и следует ожидать, естественно-научная психология в качестве философской основы тяготеет к материалистическим концепциям сознания. Зачастую это самый явный, медицинский материализм. А гуманитарная психология востребует дуалистические концепции.

2. Исторический обзор концепций сознания в философии

Хотя философия строила концепции сознания и души почти с самого времени своего появления, в современной науке релевантными остаются концепции, начиная с картезианской. Устоявшиеся и хорошо разработанные учения я буду рассматривать как «парадигмы», так как по существу они не принадлежат одному автору, а развивались на протяжении достаточно долгого времени и стали парадигмами в куновском смысле слова, то есть базовыми системами идей, задающими собственный круг проблем и их возможных решений.

2.1. Картезианская парадигма

Важнейшее влияние в философии сознания оказала так называемая картезианская парадигма. Ее базовые идеи принадлежат философу XVII века Рене Декарту, хотя как основание для некоего

цельного подхода она принималась многими философами, в том числе Б. Спинозой, Г. Лейбницем, Н. Мальбраншем и др. (Васильев, 2003), не говоря уже о том, что она соответствует интуитивному восприятию любым человеком самого себя. Суть ее кратко можно выразить в следующих положениях:

1. Тело и душа — это две разные субстанции. У них противоположные свойства.

2. Тело — это машина, управляемая рефlekсами.

3. Сознание тождественно мышлению.

4. Сознательный субъект имеет непосредственный доступ к своему сознанию. Он может свободно управлять своим мышлением.

5. Он также управляет своим телом. Для этого постулируется некое таинственное место, в котором происходит взаимодействие субстанций.

(6. Субъект един, его сознание цельно и неделимо.)

(Декарт, 1989).

Эти положения вызывали и вызывают обоснованную критику. Главная трудность картезианской парадигмы связана с первым и пятым положениями: если тело и душа суть две разные субстанции, то каким образом они взаимодействуют? Этот вопрос ни Декарт, ни его последователи решить в принципе не смогли. Сам Декарт предложил фантастическое решение, связанное с шишковидной железой (Декарт, 1989, с. 495), а Спиноза и Лейбниц создали более последовательные учения, в которых тело и душа вообще никак не взаимодействуют, а существуют параллельно, или как два модуса одной субстанции (как у Спинозы) (Спиноза, 2008), или в «предустановленной гармонии» (как у Лейбница) (Лейбниц, 1982). Пятый пункт является прямым следствием первого, так что критика его является одновременно критикой первого пункта: душа и тело не могут быть

двумя разными субстанциями с абсолютно различным набором свойств, у них должна быть возможность взаимодействия. (Здесь сложный вопрос о том, какие должны быть выполнены онтологические условия, чтобы субстанции могли взаимодействовать, но сейчас речь не об этом.)

Второй пункт картезианской парадигмы, о том, что тело есть механизм, оказался продуктивным для дальнейших исследований. Нужно заметить, что пропасть между душой и телом проходит в картезианской парадигме в достаточно неожиданном месте, с нашей точки зрения — как бы внутри души. Восприятия, движения, эмоции — все это мы обязаны отнести к области тела (правда, сам Декарт в этой связи говорит о «страстях души», то есть о загадочной связи между душой и телом, но логика картезианской парадигмы отвергает это решение). К душе относится только мышление, хотя оторвать мышление от восприятия можно только искусственно. Здесь опять картезианскую парадигму можно критиковать, но она все же была достаточно продуктивна.

Третий пункт. Огромное влияние оказала мысль Декарта о том, что сознание (душа) тождественно мышлению. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что в течение XVII–XIX веков большая часть учений о человеке принимала без доказательства, что понять душу человека означает понять законы мышления. Конечно, никто не отрицал важности эмоций, но они сопрягались с изучением «основного» содержания души (т.е. мышления) любым поверхностным образом или вообще не сопрягались, а изучались отдельно. До сих пор достаточно большая часть психологии сосредоточена на изучении законов мышления, которые подразделяются на законы восприятия, переработки информации, управления действием. Из новых подходов в учении о сознании можно назвать «эволюционную» когнитивистику Дж. Эдельмана, теорию сознания как

рабочего пространства Б. Баарса и другие теории, укладывающиеся в рамки cognitive science, для которой характерно отождествление сознания с высшими этапами переработки информации (Солсо, 1996; Величковский, 2006).

Четвертый пункт — субъекту непосредственно дано его сознание и он может управлять своим мышлением — на первый взгляд представлялся несомненным, но именно по этому направлению шла основная критика картезианской парадигмы в психоанализе. Именно по четвертому пункту картезианская парадигма оказалась впервые явным образом опровергнута. Сейчас два утверждения: а) сознание дано субъекту и б) субъект управляет мышлением — принято рассматривать как различные. (Их совпадение у Декарта связано с тем, что он напрямую отождествлял сознание и мышление.) Пункт «а», хотя он и опровергнут, все равно продолжает использоваться в работе практических психологов. Что касается пункта «б», т.е. вопроса о законах, по которым действует мышление, то мы можем убедиться, что философские учения придерживаются двух противоположных подходов: б1) все акты мышления каузально определены (предшествующими актами, в том числе познавательными, а также состоянием организма) и б2) мышление свободно, хотя бы в некоторой степени. Это философская проблема, которой я коснусь ниже.

Пятый пункт непосредственно связан с первым, и уже проанализирован выше.

Шестой пункт, проблема единства субъекта, взят мной в скобки, потому что ни Декарт, ни другие авторы в рамках картезианской парадигмы не делали его предметом специального рассмотрения. Явным образом его рассматривал, например, Платон, а в философии Нового времени — Кант. Однако в современной аналитической философии сознания (например, у Д. Деннета (2004)) он всегда атрибутируется Декарту, а не Канту, и это

до некоторой степени верно, поскольку он органично вписывается в картезианскую парадигму. Критика этого пункта началась в рамках психоанализа, а ныне это — одна из центральных проблем философии, как в континентальном варианте (множественность субъекта в философии постмодерна), так и в англо-американской аналитической философии (множественность модулей у Дж. Фодора, то же без управляющего центра у Д. Деннета) (Васильев, 2009).

Нельзя сказать, что картезианская парадигма напрямую является философской основой для какой-либо психологической теории. Однако она оказала основополагающее влияние на многие школы, а другие школы, наоборот, строили свою базу в полемике с ней. В некотором смысле можно сказать, что на нее опирается интроспекционизм — и как школа Э. Титченера, представляющая ныне только исторический интерес, и как все виды современных интроспекционистских исследований, поскольку в них принимается, что субъект имеет преимущественное и непосредственное знание о самом себе. Как известно, первый период интроспекционизма закончился фактической неудачей этой школы, не столько вследствие неудачи программы интроспекции, сколько из-за методологически неудачной постановки задач, основанной на неверной теории восприятия. Согласно этой теории, восприятие целого складывается из восприятия частей. Поэтому Титченер инструктировал своих испытуемых давать отчет о «я вижу яблоко» как о «я вижу сначала красное, потом круглое» либо «я вижу сначала круглое, потом красное». В таких искусственных условиях результаты были невоспроизводимы (Гиппенрейтер, 1996). Позже в школе гештальтпсихологии было показано, что восприятие целого предшествует восприятию частей, но к картезианской базе интроспекционизма это отношения, по-видимому, не имеет (Робинсон, 2005).

2.2. Трансцендентальная парадигма

а. Кантианство

Трансцендентальная парадигма начинается с учения И. Канта о познавательных способностях и далее существует в двух видах: кантианской и феноменологической. Ее кантианский вариант не оказал определяющего влияния, насколько я могу судить, ни на одну психологическую школу, а феноменологический был идейной базой гештальтпсихологии.

Общие черты трансцендентальной парадигмы, имеющие отношение к философии сознания, таковы:

1. «Настоящая» реальность состоит из вещей-в-себе и непознаваема; данная нам реальность, или природа, состоит из явлений, которые создаются нашими познавательными способностями. Совокупность общих познавательных способностей человека можно назвать трансцендентальной субъектностью.

2. Познавательные способности разделяются на три отдела: чувственность, рассудок, разум. Каждый отдел имеет собственное устройство, которое складывается из соответствующих априорных форм. Априорные формы чувственности — пространство и время.

3. Рассудок выносит суждения об опыте, основываясь на данных чувственности и на своих априорных формах — 12 категориях. Эти суждения являются основой эмпирической науки. Чтобы суждения рассудка были корректными, они не должны выходить за пределы возможного опыта.

4. Если суждения не основываются на данных чувственности, а предметом их являются сами априорные формы трансцендентальной субъектности (данные в особом виде восприятия или рефлексии — «созерцании»), тогда суждения носят всеобщий, или априорный, характер. Эти суждения являются основой математики и отчасти метафизики.

5. Рассудок не выносит суждений долженствования, последние не вытекают из опыта. Эти суждения выносятся практическим разумом. В действии, подобном с законами разума, человек полагает себя свободным.

6. Разум не выносит суждений о существовании (хотя может выходить за пределы возможного опыта). Чистый разум полагает принципы, конструирует понятия; практический разум — ставит цели и дает законы действия. Основную ошибку предшествующей метафизики Кант видит в смешении функций рассудка и разума: о предметах, выходящих за пределы возможного опыта (область разума) выносились суждения существования (прерогатива рассудка), в то время как мы можем или выходить за пределы возможного опыта (разум), или выносить суждения о существовании (рассудок), но не то и другое вместе.

7. Единство субъекта, распадающееся вследствие противопоставления функций рассудка и разума, обеспечивается специальной инстанцией: трансцендентальным единством апперцепции (Кант, 1965).

Мы видим, что это учение Канта не лежит в основе никакой психологической школы, хотя оно оказало большое влияние на так называемую философскую психологию XVII—XIX веков (Васильев, 2003, 2009). Критика кантовского трансцендентализма ныне вдохновляет некоторых представителей, например, эволюционной эпистемологии, но это направление, насколько мне известно, не воплощается в психологической практике. Некоторые области современных когнитивных и социальных наук фактически входят в противоречия с классическим кантианством. Эта современная парадигма получила название «детрансцендентализация субъекта».

6. Феноменология

Учение немецкого мыслителя Э. Гуссерля строилось как развитие мысли

Р. Декарта, однако существенные черты роднят его с трансцендентальной, а не картезианской, парадигмой. Прежде всего, это учение о познавательной деятельности субъекта. Оно имеет очень субъективистский характер: фактически Гуссерль рассматривает познание как конституирование, создание субъектом объекта для себя (Гуссерль, 1991).

Важнейшие черты феноменологии, имеющие отношение к философии сознания, таковы:

1. Сознание всегда имеет предмет (оно интенционально). Чистое сознание — это форма, которая конституирует феномен, т.е. то, каким образом дан нам этот предмет.

2. Трансцендентальное Эго, или собственно сознание, — это инстанция, наделяющая феномены смыслом. Эта деятельность сознания носит характер синтеза.

3. Сознание способно усматривать необходимую истинность.

4. Сознание имеет временной горизонт: помимо (исчезающей) точки «теперь», оно удерживает в своем активном поле некий интервал прошлого (ретенция) и, в некотором смысле, будущего (протенция).

5. Каждый акт сознания (восприятие, суждение, оценка и т.п.) совершается в субъективном горизонте опыта. Каждый предмет, становясь феноменом, также помещается в горизонт, который сознание конституирует из смысловых связей (прошлые знакомство с данным предметом, знание о нем, связанное с ним ожидание, ассоциации т.п.). Конституирование смысла происходит не до и не после, а одновременно с «восприятием» предмета (последнее рассматривается не как безусловное восприятие, а как акт полагания феномена — конституирования его «в модусе очевидности»).

6. Сознание сущностно интерсубъективно. Люди способны к конституированию осмысленного мира, только опираясь

на сосуществование с сознаниями других людей (Гуссерль, 1998).

Феноменология была идейной основой гештальтпсихологии — школы, которая возникла в качестве одной из альтернатив интроспекционизму. То, что полагание смысла неразрывно связано с полаганием предмета, оказалось очень важной идеей для психологии восприятия. Гештальтпсихология впервые явным образом продемонстрировала, что восприятие целого не складывается из восприятия частей, потому что смысл возможен только у целого, у суммы частей смысла нет.

Но смысл неотъемлемо субъективен. Смысл любого предмета складывается для субъекта из того, как он был ранее знаком с этим предметом, что знает о нем, что с ним ассоциируется и т.п. Эта субъективистская линия оказалась очень продуктивной, в том числе за пределами гештальтпсихологии, в современной когнитивистике (об этом ниже).

3. Современные научные парадигмы

В психологии очень важным этапом развития понятия сознания было возникновение трех школ, которые можно рассматривать как возникшие в результате реакции на неудачу интроспекционизма. Одна из них — гештальтпсихология, о которой была речь выше. Вторая — психоанализ, о котором будет речь ниже. Третья — бихевиоризм.

3.1. Логический бихевиоризм

Бихевиоризм в философии, как и в психологии, мыслил себя как оппозицию «картезианской» ошибке дуализма души и тела. Логический бихевиоризм — это теория, согласно которой ментальные состояния сводятся к поведению или могут быть описаны в терминах, описывающих поведение. Этого направления мысли придерживались философы Г. Райл, К. Гемпель, отчасти Л. Витгенштейн. Термин введен американским философом

психологии К. Спенсом (подробный обзор этого направления см.: Прист, 2000). Логический бихевиоризм как философское направление развивался в связи с бихевиоризмом в психологии и служил философским обоснованием его метода и результатов.

Имеются две версии логического бихевиоризма. Согласно слабой версии, всякий осмысленный психологический язык оказывается языком описания поведения. В этой версии обосновывается возможность для психологии быть точной наукой, предоставляющей проверяемое знание, и указывается, что для этого из терминологического словаря психологии должны быть исключены «ментальные предикаты» («больно», «радостно» и т.п.), доступные только интроспективному отчету. В этой форме логический бихевиоризм позволяет привести аргументы против так называемой скептической посылки, согласно которой никакое знание о ментальном состоянии других людей невозможно. Скептическая посылка ставит под сомнение правомерность психологического исследования, и идеология логического бихевиоризма состоит в том, что правомерность эта обосновывается предписанием изучать наблюдаемое, объективно регистрируемое поведение (Прист, 2000; Райл, 2000).

Сильная версия логического бихевиоризма состоит в утверждении, что ментальными терминами не следует пользоваться, так как у них в принципе нет референтов — ментальных состояний, т.е. ментальные состояния («больно», «радостно») являются иллюзией. Сильной версии придерживались основоположники психологического бихевиоризма Э. Торндайк и Дж. Уотсон, представитель необихевиоризма Б. Скиннер, у которых она служила идеологической базой экспериментального метода; философскую разработку этой версии осуществили К. Гемпель и Г. Райл. Представитель неопозитивизма Гемпель

считал, что предложения психологии, чтобы быть осмысленными, должны быть переведены на язык терминов физики (наблюдаемого движения тела, т.е. поведения). Неверифицируемые предложения, содержащие данные интроспекции, квалифицируются им как бессмысленные, научная работа с ними невозможна, и они не являются предметом для обсуждения. Термин «сознание», чтобы быть осмысленным, должен быть переопределен как сокращенный термин для телесного поведения. По мнению Райла, употребление ментальных терминов в естественном языке является так называемой категориальной ошибкой: гипостазированием, наделением некой сущностью слова, которое обозначает на самом деле способ поведения или predisposition к поведению. Отрицается существование внутреннего мира: например, воображение не есть продуцирование образов, но вид притворного поведения; убеждение — это не существующая в сознании мысль либо сила, но predisposition вести себя определенным образом и т.п. Картезианский дуализм Райл называет «догмой о призраке в машине» (Райл, 2000).

Логический бихевиоризм был широко распространен в англо-американской аналитической философии в середине XX в. Сильная форма его ныне утрачивает влияние, сливаясь с концепциями элиминативного материализма. Слабая форма и ныне является общераспространенной методологической концепцией в тех областях психологии, которые исследуют поведение.

Логический бихевиоризм — далеко не безупречное учение, прежде всего с точки зрения здравого смысла, а затем с точки зрения научной целесообразности (Робинсон, 2005). Отвергая возможность изучения внутренних переживаний, он приходит к отрицанию самого наличия этих переживаний, в то время как они очевидны и, более того, в определенной степени

поддаются изучению. Так, например, психофизиологическое изучение нейронных коррелятов боли и биохимической основы переживания боли невозможно без гипостазирования понятия «боль». Трудно отделаться от чувства, что логический бихевиоризм в версии Райла — это нарочито парадоксальная философия, наподобие зеноновских апорий или солипсизма, потому что нельзя утверждать что-либо подобное всерьез. Более того, логический бихевиоризм небыстречен даже с точки зрения логики! Что есть само понятие «категориальная ошибка», как не результат гипостазирования определенного поведения, а именно ошибочного поведения по гипостазированию? Понятие категориальной ошибки, как категориально ошибочное, самопротиворечиво. Тот, кто желает идти в бихевиоризме до конца, не может привлекать для обоснования логику, ибо она рождается и плодотворно функционирует совсем в другой, противоположной парадигме. «Логический бихевиоризм» — это оксюморон по природе своей. Тем не менее, в философии эти споры привели к тому, что современная аналитическая философия сознания, хотя и активно пользуется этим понятием, ищет альтернативные стратегии его деконструкции / объяснения / переформулирования / редукции. Направление это достаточно продуктивное, так как за века господства картезианской парадигмы о сознании как об особой сущности было сказано достаточно, и вполне разумным представляется поискать, не скрывается ли за этой сущностью какая-то иная сущность. (Ответ, думается, будет отрицательным, но сам поиск — плодотворным.)

3.2. Медицинский материализм и психофизиология

К медицинскому материализму относится вульгарный материализм XVII–XIX веков, которого сейчас серьезные учения не придерживаются, а также множество

современных теорий, которые отрицают у сознания особую природу, в чем бы она ни заключалась, и сводят сознание к деятельности мозга. Наиболее радикальный вид материализма — теория тождества. Ее наиболее известный теоретик — Д. Дэвидсон. Согласно этой теории, ментальные состояния (ощущение боли, мысль и т.п.) тождественны состояниям нервной системы. Сам человек может не знать об этом или, даже зная, не понимать этого, однако «на самом деле» это так. Смена ментальных состояний, согласно теории тождества, — это смена состояний мозга, а поскольку мозг — это физическое тело, то его состояния «каузально замкнуты»: каждое следующее зависит от предыдущего (разумеется, включая сигнал на входе, который также представляет собой состояние нервной системы). Поэтому смена наших мыслей отражает смену состояний мозга и ничем, кроме законов функционирования ЦНС, не управляется. Мышление не свободно, не говоря уже о других актах субъекта, например, о его действиях. Зная состояние его нервной системы и все сигналы на входе, а также зная законы функционирования ЦНС, можно однозначно предсказать не только его поведение, но и его мысли и все содержание «внутреннего мира» (в отличие от логического бихевиоризма, само существование ментальных состояний материализмом не отрицается) (Прист, 2000; Робинсон, 2005).

Нетрудно видеть, что медицинский материализм лежит в основе таких мощных направлений современной психологии, как психофизиология и нейробиология (между которыми, с точки зрения общего подхода, разницы нет). Правда, тут необходима оговорка. Вообще-то эта оговорка применима ко всем школам, которые рассматриваются в данной статье, но для психофизиологии она особенно актуальна. А именно: материализм — это философская платформа данного

научного направления, но это не означает, что каждый отдельный исследователь, работающий в психофизиологии, будет материалистом по своим личным убеждениям. Наоборот, достаточно примеров, когда известные исследователи, первооткрыватели новых направлений в психофизиологии, высказывали убеждения, противоположные материалистическим: «Надо понять, что мы одновременно и духовные существа, души которых существуют в духовном мире, и материальные существа, тела и мозг которых существуют в материальном мире» (Дж. Экклз, открывший тормозные пути ЦНС и механизм синаптической передачи, — Eccles, 1989); «Поскольку представляется очевидным, что сознание никогда нельзя будет объяснить на основе активности нейронов, и поскольку мне кажется, что сознание независимым образом развивается и созревает в течение всей жизни человека, как если бы оно представляло собой непрерывное единство, и поскольку компьютер (которым является мозг) должен быть управляем кем-то, кто обладает независимым пониманием, я вынужден принять предположение, что наше бытие следует объяснить на основе двух независимых элементов» (У. Пенфилд, первооткрыватель мозговых локализаций, — Penfield, 1975); «Физиология мозга определяет ментальные эффекты, а ментальные феномены, в свою очередь, каузально определяют нейрофизиологию» (Р. Сперри, первооткрыватель межполушарной асимметрии, — Sperry, 1975).

Особенность медицинского материализма в том, что «обычный» человек, для которого духовная сущность сознания и способность сознания управлять телом очевидны, не может искренне придерживаться этой философии. Ее убежденными сторонниками могут быть только философы-профессионалы, для которых некоторое насилие над собственным чувством

очевидности является привычной практикой. Таким образом, в области личных убеждений работающий психофизиолог зачастую имеет более или менее интуитивно-дуалистическое представление о человеке.

Однако психофизиология как наука, безусловно, покоится на базе медицинского материализма. Позволю себе в качестве полуанекдотического примера привести цитату из учебника по психофизиологии для вузов: «Командные сигналы из префронтальной коры достигают идей и концептов, в закодированном виде хранящихся в теменно-височной ассоциативной коре...» (Данилова, 2001, с. 309). Хотя мы видим здесь «идеи в закодированном виде», однако сама мысль о том, что нейронный сигнал может достичь не какой-то клетки, не какой-то области, а *идеи* — это наилучшее подтверждение того, что в основе психофизиологического мышления лежит теория тождества.

3.3. Деятельностный подход

Этот подход восходит к И. Гете и И. Фихте, мы видим его в философии Г. Гегеля, на научную его разработку в философии и психологии значительное влияние оказало учение К. Маркса. Как психологическая школа деятельностный подход развивался в основном в России, в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Г.П. Щедровицкого и многих других. В западной психологии, насколько я могу судить, цельной школы такого типа не было (хотя понятия действия и деятельности сыграли огромную роль в социологии от М. Вебера до Т. Парсонса), но его принимали отдельные мыслители — например, Ж. Пиаже. Специальную антропологическую теорию построил для него А. Гелен (1988).

Поскольку все названные мыслители самобытны и работали в различных областях науки и в разных жанрах, деятельностный подход не менее разнолик, нежели

физиологический материализм, а думается, что и более. Деятельность у Гегеля — это саморазворачивание абсолютного духа; деятельность у Маркса — общественное производство; в трудах отечественной психологической школы, берущей свое начало от Выготского и Рубинштейна, деятельность рассматривается как осознанная и целенаправленная (Леонтьев, 1975; 1994); а Пиаже в качестве деятельности, в которой формируется мышление, рассматривает первые движения младенца (Пиаже, 2003).

Считая деятельностный подход общей парадигмой и проведя определенное усиление его положений, суть его можно сформулировать так: все психические феномены и социальные отношения, все понятия, категории, ценности, мотивации, все кажущиеся незыблемыми истины — все они складываются в процессе деятельности, которая начинается с первого вдоха человека и кончается его последним выдохом. Все служит деятельности и формируется так, чтобы обслуживать ее с оптимальной эффективностью. Как сложится деятельность, такие обслуживающие отношения, понятия и категории вместе с ней и появятся. Под деятельностью, в этой общей парадигме, понимается любая активность человека, за исключением физиологических процессов в организме. Постулируется, что любая деятельность так или иначе направлена на внешний мир, требует средств и социальна. Деятельность младенца — сосание, движение конечностями, плач, но не сон. В примере с сосанием: направленность на внешний мир — поиск пищи, ее потребление; средства — собственные органы, а также жесты и звуки, которыми младенец посылает сигналы матери; социальные отношения — отношения с матерью. Деятельность здорового взрослого — работа, хозяйство, взаимоотношения в семье, мышление, творчество. Деятельность старика — разговор, возможно, с самим

собой, воспоминания. Только организм, находящийся в коме, не осуществляет деятельности. Соответственно этим разнородным примерам деятельности в каждом случае появляется различный набор понятий, различные социальные отношения, различные категории мышления, то есть различное сознание.

Мы видим, что, если медицинский материализм сводит мышление к состояниям мозга, то деятельностный подход выводит мышление из потребностей деятельности. Заслуживают внимания далеко идущие попытки вывести из деятельности, в том числе из таких простых ее форм, как моторные операции (ребенок взял игрушку, затем положил обратно), высшие формы мышления, такие как логические и математические операции (из этого действия ребенка Пиаже выводит понятия прямой и обратной операции) (Пиаже, Инельдер, 2002).

Наибольшую трудность в рамках деятельностного подхода, на мой взгляд, представляет проблема автономии мышления, которую рассматривает, в частности, Г.П. Щедровицкий. Если считать мышление неким управляющим действием, обслуживающим общую деятельность, то мышление не имеет автономии, что согласуется с общим пафосом деятельностного подхода. Однако иногда (например, в деятельности теоретика) мышление целесообразно рассматривать как автономный вид деятельности, выявляя в нем собственные управляющие структуры, собственные средства, цели, этапы и т.п. Этой цели служит понятие «мыследеятельность», введенное Щедровицким (1986). Мышление в таком случае перестает обслуживать внешнюю деятельность организма, оно становится самостоятельным, что в корне подрывает основную идею первоначального подхода. Эта самостоятельность мышления в конечном итоге логически приводит к дуализму, фактически восстанавливая картезианскую парадигму.

3.4. Психоанализ

а. Классический психоанализ З. Фрейда

Фрейдовский подход — типичный пример материалистического монизма, в основе которого лежит представление о психике как об энергии, дополняющее представление о материи как об энергии, которое утвердилось в физике в начале XX века. Таким образом, энергетическая природа объединяет материю и мысль (Косилова, 2006).

Психоанализ создал общеизвестное ныне представление о бессознательном, которое играет в психике более важную роль, чем сознание. В более ранних версиях психоанализа отделов психического аппарата было всего два: нижний — бессознательное, верхний — сознательное. Нежелательное содержание (или травматическое, или запрещенное) вытеснялось из сознательного в бессознательное при помощи особой инстанции — цензуры, также бессознательной. В более поздних версиях З. Фрейд вводит три отдела психического аппарата: нижний — Оно, верхний — Сверх-Я и между ними промежуточный — Я. Только Я является сознательным, Оно и Сверх-Я бессознательны. Как Оно, так и Сверх-Я обладают энергетической природой, а Я энергетически бесцельно, оно выполняет роль посредника между Оно и Сверх-Я (Фрейд, 1998).

Чтобы трактовать мысль как энергию, Фрейд пользуется понятиями «свободная энергия» (под этим он понимает бессознательную энергию либидо или, шире, энергию влечения) и «связанная энергия» (энергия сознательных мыслей, связанная в слова). Связывание энергии переводит некое содержание из бессознательного состояния в сознательное. В поздних версиях психоанализа оно представляет собой психическое связывание мыслей между собой. Имеется некая связанная масса: это система «Я». Чем больше первичной, т.е. свободной, энергии

связалось с общей массой Я и стало, таким образом, связанным, тем спокойнее общее целое (подробнее об энергетической концепции Фрейда см.: Косилова, 2006).

Психоанализ оказал огромное влияние на философские идеи XX века. В психологии, насколько могу судить, его влияние было меньше, хотя определенные подходы современной психологии испытывали его воздействие: например, изучение мотиваций, в которых сам индивид не отдает себе отчет. Примерами также могут служить теория когнитивного диссонанса (Фестингер, 2000) или работы группы Л.Я. Гозмана по психологии эмоциональных отношений (Гозман, 1987), которые определенно инспирированы психоаналитическими идеями. Для философии наиболее важным оказалось представление о психике как о расщепленной на бессознательное и сознательное, т.е. идея делимости индивида.

6. Психоанализ английской школы

Психоанализ английской школы, который позже оказал значительное влияние на французскую школу, продолжил идею делимости Я. Так, М. Кляйн в своих работах показала, что первоначальное Я младенца расщеплено и обращено на такие же расщепленные, или парциальные, объекты. Интеграция Я происходит постепенно и продолжается в течение жизни, иногда сменяясь возвратами к дезинтеграции. Для интеграции требуется особая работа Я, в то время как дезинтеграция — это облегчение, поэтому она служит защитным механизмом. В частности, Кляйн трактует шизофрению как возврат к стадии расщепленного Я (Кляйн, 1998).

Английская школа психоанализа, развивая идеи Фрейда, внесла вклад в учение о познании. Ее основатель Э. Джонс ввел понятие *рационализация*, что позволило дать обобщенное трактование

понятия проекции, которое было введено Фрейдом и развито в учении Кляйн (Лапланш, Понталис, 1996). Проекция — это, в общем виде, сопоставление внешних причин внутренним следствиям (Фрейд употреблял это понятие также в другом значении: приписывание другим людям собственных намерений, это близкие вещи). Например, чувство недовольства может быть вызвано неизвестными внутренними причинами (причины находятся в области бессознательного), но проецируется на окружающих людей (причины ищутся в области сознательного). Рационализация — это приписывание собственным действиям, которые тоже могли иметь причины в области бессознательного, известных причин и мотивов. Идея проекции лежит в основе психоаналитического учения о симптоматике шизофрении, которое представляется достаточно убедительным. Например, больной испытывает страх (причиной может быть повышение уровня дофамина), вследствие проекции причины этого страха он ищет вовне и объясняет себе свой страх тем, что его преследуют соседи. Встречая соседа, он испытывает страх и связанную с ним враждебность и вследствие проекции полагает, что сосед также испытывает враждебные чувства, подтверждая чего ищутся избирательно. Так возникает бред.

Современная философия и даже вся современная культура легко акцептирует такие идеи, как идея рационализации, потому что они ложатся в идеологию «подозрения», как сейчас иногда называют эту психологизирующую и идеологизирующую установку. Иногда в беседах с математиками доводится слышать примерно такую аргументацию: «Он придерживается такой точки зрения потому, что ему тогда-то не дали такую-то премию». В ограниченных пределах это вполне продуктивный ход мысли, но его не следует абсолютизировать.

в. Лакановский анализ

По мысли Ж. Лакана, бессознательное структурировано как язык и имеет природу языка. Лакан не отрицает наличия влечения, но это совершенно безобъектное влечение, которое в принципе не может быть удовлетворено. На «поверхности», то есть в сознательном, оно принимает любые формы, в зависимости, например, от наличествующего дискурса (совокупности речевых приемов), от ожиданий других людей. От таких же внешних условий зависит и самоидентификация человека, она также связана с ожиданиями других, с особенностями дискурса, а также с метафорической природой бессознательной речи, на которую впервые указал именно Лакан.

Лакан доводит до конца линию, которая намечена во фрейдовском анализе, — деконструкцию субъекта и его сознания (Лакан, 1997). Сознание человека носит «обратный» характер — субъект бессознательно конституирует свое сознание в зависимости от условий. Его самоидентификация постоянно меняется. Заостряя момент языкового, речевого характера сознания, Лакан заставляет сомневаться, что помимо слова «я» существует какое-то другое неизменное «мыслящее Я», которое было очевидно для Декарта. А у слова «я» множество значений, более того, в каждой новой ситуации значение этого слова оказывается совершенно разным. Эта мысль оказалась тем зерном, которое чуть позже, в философии постмодерна, превратилось в детально разработанную теорию деконструкции. Теория сознания, разработанная в картезианской парадигме, была объявлена культурной традицией эпохи, одним из аспектов европейского Нового времени, а вовсе не постоянной характеристикой человека (Фуко, 1977). Фактически, инвариантом сознания стала только его способность быть каким угодно.

3.5. Экзистенциализм. Экзистенциальная, гуманистическая и трансперсональная психология

Экзистенциализм — это явным образом дуалистическое учение, иногда даже близкое идеализму (сознание определяет бытие, ссылки на материальную причинность — это уход от сознательной ответственности за свое бытие). Нужно специально отметить, что, несмотря на антиматериалистическую направленность экзистенциализма, в нем преобладают атеистические, а не религиозные мотивы (Сартр, 1989).

В философии экзистенциализм начала—середины XX века был реакцией на господство слишком рационалистических, сциентистских и оптимистических учений, прежде всего гегельянства и позитивизма. Все основоположники экзистенциализма (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр) испытали сильное влияние феноменологии Э. Гуссерля. Однако феноменология, будучи наследницей трансцендентализма, сосредоточена только на способностях и условиях познания. Согласно Гуссерлю, смысл воспринимаемого предмета конституируется в горизонте опыта. Однако феноменология ничего не говорит про такие человеческие темы, которые остаются за рамками нейтрального опыта. Каков смысл жизни перед лицом смерти? Бесцельна ли жизнь? Почему собственное наше бытие в будущем, настоящем и прошлом кажется нам совершенно различным? Эти темы могут показаться несерьезными тому, кто привык, что доказательно рассуждать можно только о чем-то «научном» и материальном. Поэтому достаточно долго экзистенциализм получал ярлык «иррационалистического» учения. Основной идеей экзистенциального понимания человеческого сознания является идея его свободы. Сартр формулирует ее так: «Существование предшествует сущности» (Сартр, 1989, с. 319). Это означает, что у человека

нет заранее заданной сущности, он сам создает собственную сущность в течение своего существования, он выбирает себя. Поэтому он обречен на тревогу и ответственность за свой выбор. И у Хайдеггера, и у Сартра много говорится о том, что человеку свойственно уклоняться от выбора себя, бежать от свободы. Тем не менее, он остается свободен, он свободно выбирает состояние несвободы. Хайдеггер называет это неподлинностью, отпадением, «быть как все» (*das Man*) (Хайдеггер, 1997), Сартр — самообманом (*mauvaise foi*) (Сартр, 2000).

Уже при своем появлении в трудах Ясперса, психиатра по образованию, экзистенциализм оказался связан с психиатрией и психологией. В дальнейшем из сочетания феноменологии, экзистенциализма и психоанализа сложилось такое направление как экзистенциальный анализ. В развитии экзистенциального анализа важнейшую роль сыграла работа Ясперса «Общая психопатология» (1997), в которой он развивает феноменологический метод описания психических болезней, основанный на непредвзятом фиксировании психопатологических феноменов и понимании их связей, причем понимание трактуется в противовес объяснению, согласно теории Дильтея. Иным, по сравнению с традиционной психиатрией, является подход к установлению понятий нормы и болезни: болезнью является то, что не может быть понято, при условии максимальной эмпатии. Сартр сформировал общую парадигму экзистенциального анализа: исследование «бессознательного», понимая под этим не фрейдовское либидо, а хайдеггерианские экзистенциалы выбора, проекта. Создал экзистенциальный анализ в строгом смысле Л. Бинсвангер в 1942 году книгой «Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins». Основываясь на философии Хайдеггера, он трактует психические отклонения как нарушения подлинности

человеческого бытия, обмирщение, сужение круга возможностей, отказ от проектирования, предпочтение фантазий реальности. Человеческое существование в экзистенциальном анализе понимается как проектирование себя, открытое к сфере возможного. Проектирование исходно бессознательно, поэтому оно требует постоянной работы по его осознанию. Болезнь есть неподлинность существования, которая может проявляться в отказе от признания важности «бытия-с-другими», в неспособности принять собственную смертность (вдумчивый анализ философии Бинсвангера см.: Руткевич, 1985). В дальнейшем это направление разрабатывалось М. Боссом, И. Яломом, Дж. Бьюдженталем. Практическая работа с больными основана на психоаналитических техниках; современные его представители используют также методы психотерапии (психодрама, игровая терапия).

Как представляется, именно экзистенциальный подход в психиатрии дал толчок к развитию таких направлений, как гуманистическая психология (А. Маслоу) и вслед за ней теории так называемой трансперсональной антропологии (Ст. Гроф, К. Уилбер).

3.6. Клиническая психология, психиатрия и философия безумия

После того, что было выше сказано о психологии, нас не должно удивлять, что психиатрия как наука находится также в раздвоенном состоянии. Во-первых, имеется физиологическая психиатрия, которая в смысле философской идеологии не отличается от психофизиологии — она, разумеется, основывается на базисе медицинского материализма.

Более того, в отличие от психофизиологии, которая, будучи ветвью психологии, все же не может совсем обойтись без представления о сознании, физиологической психиатрии часто даже нет нужды строить особую теорию на этот счет.

В случае тяжелых психических заболеваний явным образом нарушено поведение, будь то по сравнению с общепринятой нормой или даже по отношению к витальным потребностям организма. Больной может не принимать пищи и наносить тяжелые повреждения себе и окружающим. Задачей физиологической психиатрии является по возможности выявить мозговую причину нарушений и предпринять вмешательство, имеющее целью изменить поведение больного. Другими словами, физиологическая психиатрия в принципе может рассматриваться как подход, совмещающий медицинский материализм с бихевиоризмом. Но это происходит не на рефлексивном уровне и даже очень далеко от него. В абсолютном большинстве учебников и справочников по психиатрии вообще не дается строгого определения психической болезни и тем более психической нормы¹. Размытость последнего понятия, к сожалению, усугубляется отсутствием в нашей культуре четких моральных критериев должного. Это приводит к такой характерной для нашего времени ситуации, когда болезнью считается все то, на что можно подействовать лекарствами. Так, некоторые виды депрессий никогда не считались болезнями

вплоть до эпохи появления антидепрессантов. То же можно сказать о громадном числе подростковых поведенческих девиаций, которые на протяжении всей истории считались проблемой воспитания, но в последние десятилетия всерьез стали проблемой подростковой психиатрии. Думается, что это легкий, потребительский путь, который в глобальной перспективе отнюдь не приведет ко всеобщему психическому благополучию. Дополнительным фактором является постепенная коммерциализация психиатрии, которой становится выгодно наличие большого количества «полубольных», потребляющих дорогие лекарства (однако некоммерческая государственная психиатрия еще более неприемлема по другой причине — она имеет тенденцию сливаться с карательными органами). Впрочем, эту нелегкую тему невозможно обсуждать в рамках данной статьи.

Вторая ветвь психиатрии — нефизиологическая, психотерапевтическая, соответствующая «понимающей» психологии по Дильтею. Причем если раскол между двумя видами психологии еще можно при желании пытаться оспаривать, то два вида психиатрии отличаются друг от друга очень явно. В рамках этого второго типа психиатрии в начале XX века трудами К. Ясперса было положено начало изучению болезненных переживаний и попыткам классификации «внутренних» симптомов психических болезней. Пато-психология и современная клиническая психология не являются «понимающими» дисциплинами, так как в большей мере используют чисто внешнее описание симптомов. Другими словами, их подход ближе к бихевиоризму, чем к пониманию, но последнее не исключается.

Связано ли каким-нибудь образом изучение психических заболеваний и различных отклонений с теорией сознания, помимо уже упоминавшейся теории тождества? Нужно сказать, что психиатрия

¹ Цитата из учебника А.В. Снежневского: «Определение психоза как изменения, искажения или не включения детерминации психической деятельности внешним миром является все же неполным, оно не отражает всю сущность психического заболевания, является описательным. Но это уже беда не только психиатрии, а и всей медицины. Ведь общего определения болезни в медицине до сего времени еще нет. И поэтому любое определение психоза ... является в значительной мере тавтологией... Это особенность медицины, медицина является разделом естествознания, наиболее может быть действенный, она принуждена действовать, не дожидаясь. Она борется с болезнью, со смертью, а в ряде случаев побеждает болезнь и смерть, не дожидаясь, когда будет открыта природа болезни, сущность болезни, ее этиология. Медицина исследует болезни, не дожидаясь, когда эти болезни получат естественно-научное определение» (Снежневский, 2006, с. 12).

сыграла неожиданную и очень плодотворную роль в философии XX века. Отчасти это было связано с уже упоминавшимися основоположниками экзистенциализма и экзистенциальной психиатрии. Но ключевым событием было появление в шестидесятых годах антипсихиатрии и работ Р. Лэнга (Лэнг, 1995), а затем, во Франции, книги М. Фуко «История безумия в классическую эпоху» (1997). Несмотря на скандальную славу антипсихиатрии, открытия, к которым она подтолкнула, сами по себе совершенно не скандальны и весьма продуктивны. В философии было осознано, что попытка понимания безумия может раскрыть совершенно неожиданные стороны разумности. Так же, как симптомы нарушений, например при ранениях, уже давно использовались для локализации мозговых центров, что позволило в некоторых случаях открыть совершенно неожиданные центры (например, особый центр узнавания лиц открыт благодаря изучению так называемой лицевой агнозии), так и симптомы психических болезней стали рассматриваться как указания для поиска «функций разума».

Для этого потребовалось пересмотреть традиционные понятия негативной и продуктивной симптоматики и считать любую симптоматику негативной, то есть недостаточностью какой-то из разумных функций. Так, запись речи при остром аффективном бреде, с характерными для нее повторами, противоречиями и, главное, отсутствием общего плана изложения, дает многое для понимания принципов речепорождения в норме, для понимания роли смыслового горизонта, ретенции и протенции, планирования, умолчания, деметафоризации и других средств изложения. Таким образом, бред рассматривается как некое исходное состояние, как пример того, чем были бы мы все, если бы у нас не было чего-то высшего в сознании — того, что делает нашу мысль такой, к какой мы привыкли. Лэнг был первым,

кто убедительно объяснил возникновение шизофрении особой «онтологической неуверенностью» и показал, что для нормального человека характерна «онтологическая уверенность», особый ресурс приспособления к миру, о котором до того ничего не было известно (Лэнг, 1995). В некотором смысле аналогичный материал приводит О. Сакс в своей книге «Человек, который принял жену за шляпу» (2005), хотя у него большинство примеров не из психиатрии, а из невропатологии. Таким образом, психиатрия, при надлежащем к ней отношении, предоставляет богатый материал для теорий сознания.

3.7. Когнитивная психология и аналитическая философия сознания

Эти две связанные между собой области появились почти в одно время: в семидесятых годах XX века. Аналитическая философия сознания развивается в англоговорящем мире, ее истоки лежат в аналитической философии языка, которая господствовала в первой половине XX века. Логический бихевиоризм, о котором шла речь выше, также относится к временам зарождения этой традиции. По своим идеям аналитическая философия сознания разнообразна, в ней нельзя выделить какую-то одну парадигму рассмотрения сознания. Спектр философских подходов к сознанию простирается от явного медицинского материализма (например, учение Д. Дэвидсона) до явно высказанного дуализма (например, теория Поппера—Экклза), с такими влиятельными промежуточными вариантами, как «дуализм свойств» (например, теории Д. Чалмерса и Т. Нагеля), идею которого можно передать так: нет оснований говорить о том, что сознание и тело являются различными субстанциями, как то было у Декарта, но есть основания говорить, что сознание и тело обладают такими свойствами, которые принципиально не сводимы друг к другу

(Прист, 2000; Васильев, 2009). В качестве примера свойства, которое присуще только сознанию, обычно называются *qualia* (этот распространенный в англоязычной философии термин на русский язык буквально переводится как «качественные состояния», но, на мой взгляд, лучше всего переводить его словом «переживания»; примеры — боль, радость). Это может показаться удивительным, однако нужно иметь в виду, что традиция рассматривать *qualia* как главный критерий сознания сложилась исторически, например, в полемике с бихевиоризмом и логическим бихевиоризмом, которые, напомним, отрицали реальность ментального. Кроме того, в современной аналитической философии сознания большую роль играет сравнение человеческого сознания с компьютерным мышлением; понятно, что *qualia* — это главные претенденты на принципиальное отличие человека от компьютера. В материалистическом направлении предпринимаются попытки трактовать *qualia* как физические состояния тела, а большинство философов, склоняющихся к дуализму, принимают несводимость *qualia* к чему-либо.

Будучи наследницей аналитической философии языка (которая, в свою очередь, была наследницей логики), аналитическая философия сознания традиционно много внимания уделяет определению терминов и проработке логической техники аргументации. Поэтому принцип, объединяющий различные работы в рамках этой философии, — это единство жанра, единство техники, а не единство базового подхода к сознанию.

Современная философия сознания тесно связана с когнитивной психологией и, шире, с областью *cognitive sciences*. Для того чтобы они могли объединиться, необходима предпосылка тождества сознания и мышления, так как предмет когнитивной психологии — мышление. В качестве примера рассмотрим теорию

одного из видных представителей философии сознания Д. Деннета (Деннет, 2004; Васильев, 2009). Это убежденный материалист, но его трактовка сознания выходит за рамки медицинского материализма. Всю теорию Деннета здесь нет возможности изложить даже вкратце, но для иллюстрации взаимодействия философии и когнитивной науки достаточно отдельных аспектов. Так, Деннет считает, что сознание человека не едино, а представляет собой некое множество постоянно текущих и конкурирующих между собой мысленных процессов (он называет это «Модель множественных набросков»). Эта идея была позаимствована у Дж. Фодора, который ввел понятие когнитивного модуля. Однако Деннет отвергает фодоровское членение когнитивной системы на модули и центральный процессор, в его схеме остаются только модули. В каждый момент любой из них может захватить лидирующее положение, этот модуль и будет претендовать на то, чтобы быть точкой Я. Идея конкуренции модулей близка к идее, развиваемой нейрофизиологом Дж. Эдельманом — о конкурентных отношениях между группами нейронов. Обратную связь, которая необходима для закрепления успешно действующего модуля, Деннет иллюстрирует схемами управления движущимися автоматами.

Итак, мы видим, что аналитическая философия сознания опирается на идеи психологии. Оказывает ли она заметное обратное влияние на психологию? Насколько я могу судить, оказывает через тех ученых-психологов, которые либо интересуются философией, как, например, Эдельман, либо сами являются философами, как Фодор. Но это влияние нельзя считать однозначным, поскольку сама философия сознания, как уже говорилось, очень разнообразна.

Большинство учений в рамках аналитической философии сознания, а также соответствующих им теорий когнитивной

психологии, изучают только познавательный аспект мышления. К сожалению, эти теории обычно не предлагают удовлетворительного учения о принятии решений, поэтому на сегодняшний день большинство теорий сознания аналитической философии существенно неполны.

3.8. Сознание и трансценденция

Несмотря на многообразие теорий сознания, как чисто философских, так и тех, которые параллельно являются психологическими, удовлетворительного понимания сознания нет ни в одной теории (Стивенсон, 2004; Робинсон, 2005). С. Прист, автор широкого обзора теорий сознания современной философии, например, считает, что в будущей науке о человеке должно найтись место для противоречивых аспектов человеческого существования: «В то время как традиционная наука является редукционистской, новая наука должна быть всесторонней. Она должна быть реалистической в отношении человеческого мира. От нее будет требоваться понимание человеческого существа как одновременно ментального и физического, как себя и как другого, индивидуального и социального, свободного и детерминированного, временного и вневременного, внутреннего и внешнего, предсказуемого и непредсказуемого» (Прист, 2000, с. 280). Как указывает Г. Хант (Хант, 2004), споры о природе сознания зачастую заходят в тупик. Для того чтобы понять человеческое сознание, нужно привлечь новые подходы (сам он предлагает взять за основу «экологический» подход Дж. Гибсона, который объясняет сознание необходимостью символической репрезентации информации ради обмена ею между анализаторами).

Рискну высказать собственную точку зрения. Мне кажется, что главный признак, делающий человеческое сознание именно человеческим — это наличие

самосознания и связанной с ним трансценденции. Самосознание вытекает из наличия обратной связи, необходимость которой диктуется управляющими функциями мышления. Конечно, обратная связь входит в управляющую схему и в достаточно сложной компьютерной системе, звенья обратной связи, возможно многочисленные, не обязательно стянуты в один центр, поэтому из одного факта наличия обратной связи мы не можем сделать вывод о появлении Я и сознания. В то же время человеческая управляющая система формирует такой центр, возможно, вследствие необходимости сообщать о себе как о единичном индивиду в системе социальных отношений. Обратим внимание, что достаточно наличия даже минимальной неопределенности для появления широкого диапазона свободы. Первоначально свобода появляется как возможность принять то или другое управляющее решение. Очевидно, что чем больше управляющие звенья связаны друг с другом и чем больше они могут обмениваться информацией, тем больше свобода в смысле широты диапазона принятия возможных решений. Поэтому стягивание управляющих связей в точку выгодно целому системе в смысле расширения диапазона ее свободы.

Но и наличие управляющего центра, стянутого в точку, не дает возможности еще говорить о сознании в подлинном смысле этого слова. Сознание в подлинном смысле появляется вместе с трансценденцией. Под этим понимается способность формулирования вечных, определенных лишь самими собой идей и законов, управляющих свободой. Например, такова автономная этика. И. Кант показывает, что категорический императив не определяется никакими целями, помимо собственно моральных. Но еще более ярким примером трансцендентной цели является чистое

познание, например, математическое или философское. Способность человека формулировать цели, которым должно следовать ради них самих — это способность к трансценденции.

Вряд ли психология может принять такое понимание сознания в качестве некоей базовой парадигмы, так как психология — эмпирическая наука, ей трудно изучать нечто, лишенное каузальных законов. Но я полагаю, что психология должна принимать во внимание наличие этого и строить свою базовую парадигму, учитывая собственную принципиальную неполноту в изучении сознания.

Литература

- Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 2. С. 43–64.
- Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
- Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.
- Васильев В.В. История философской психологии: Западная Европа — XVIII в. Калининград, 2003.
- Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009.
- Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: В 2 т. М., 2006.
- Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. М., 1988.
- Гиппенрейтер Ю.Б. Лекции по общей психологии. М., 1996.
- Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М., 1987.
- Гроф Ст. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 2001.
- Гуссерль Э. Феноменология: Статья в Британской энциклопедии // Логос. 1991. № 1. С. 12.
- Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.
- Данилова Н.Н. Психофизиология: Учебник для вузов. М., 2001.
- Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
- Деннет Д. Виды психики. М., 2004.
- Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.
- Дильтей В. Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., 2000.
- Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Вып. 1. С. 207–231.
- Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: В 6 т. Т. 3. М., 1965.
- Кляйн М. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка // Психоанализ в развитии: Сб. переводов. Екатеринбург, 1998.
- Косилова Е.В. Энергетическая онтология психоанализа // Аспекты. Вып. IV. М., 2006.
- Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М., 1997.
- Лаплатиш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 1996.
- Лейбниц Г.-В. Монадология // Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 413–429.
- Леонтьев А.Н. Мотивы, эмоции и личность // А.Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994.
- Лэнг Р. Расколотое «Я». СПб., 1995.
- Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2003.
- Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
- Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация. М., 2002.
- Пиаже Ж. Психология интеллекта. М., 2003.
- Поппер К. Объективное знание: Эволюционный подход. М., 2002.
- Поппер К. Знание и психофизическая проблема. М., 2008.
- Прист С. Теории сознания. М., 2000.
- Райл Г. Понятие сознания. М., 2000.
- Робинсон Д.Н. Интеллектуальная история психологии. М., 2005.
- Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру. М., 1985.
- Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу. М., 2005.
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 319–344.

- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М., 2000.
- Снежневский А.В.* Общая психопатология: Курс лекций. М., 2006.
- Солсо Р.* Когнитивная психология. М., 1996.
- Спиноза Б.* Этика, доказанная в геометрическом порядке. М., 2008.
- Стевенсон Л.* Десять теорий о природе человека. М., 2004.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб., 2000.
- Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения. СПб., 1998.
- Фуко М.* Слова и вещи. М., 1977.
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
- Хант Г.* О природе сознания. М., 2004.
- Щедровицкий Г.П.* Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник. М., 1986.
- Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997.
- Eccles J.C., Popper K.* The Self and Its Brain. Berlin, 1997.
- Eccles J.C.* Evolution of the brain: Creation of the self. London; New York, 1989.
- Penfield W.* The Mystery of the mind: a critical study of consciousness and the human brain. Princeton, 1975.
- Sperry R.* Mental Phenomena as Causal Determinants in Brain Functions // Process Studies. 1975. Vol. 5. № 4.